С. П. НЕСТЕРКИН¹

РОССИЙСКИЙ БУДДИСТ В ПОИСКАХ ТРАДИЦИИ:
ПИСЬМА А. В. БАРЧЕНКО Г. ЦЫБИКОВУ

Вниманию читателей предлагается публикация двух писем А. В. Барченко к Г. Цыбикову, в которых Барченко развивает свои воззрения относительно значения традиционного знания для современного общества и приглашает Г. Цыбикова к сотрудничеству в проекте использования теории и практики Калачакры в деле строительства коммунистического общества в России.

Ключевые слова: А. В. Барченко, Г. Цыбиков, письма, Шамбала, традиционализм, буддизм, Калачакра.

S. P. NESTERKIN

RUSSIAN BUDDHIST IN SEARCH OF TRADITION:
LETTERS FROM A. BARCHENKO TO G. TSYBIKOV

Readers are invited to the publication of two letters A. Barchenko to G. Tsybykov, in which A. Barchenko develops his views regarding the value of traditional knowledge to modern society and invites G. Tsybikova to cooperate in the project use the theory and practice of Kalachakra in building a communist society in Russia.

Keywords: A. V. Barchenko, G. Tsybikov, letters, Shambhala, traditionalism, Buddhism, Kalachakra.

Имя А. В. Барченко (1881–1938) мало известно современному читателю, да и в глазах современников он был фигурой маргинальной. Однако его воззрения и поиски возможности реализовать их на практике представляют интерес, и не только исторический. Основная проблема, которая занимала А. В. Барченко, – возможность использования традиционного знания (в смысле Рене Генона) для актуальных нужд современного общества, общества модерна, по своей природе глубоко чуждого традиционализму. Этот вопрос ставится на повестку дня и сегодня представителями традиционных конфессий, в частности буддизма.

Немного об авторе писем. А. В. Барченко в силу жизненных обстоятельств не получил фундаментального образования, хотя всегда стремился к этому. По окончании гимназии он слушал лекции на медицинском факультете в Казан-

¹ Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Улан-Удэ, Россия.

ском, затем в Юрьевском (Дерптском) университетах, и хотя курса (по недостатку средств) он не завершил, после Октябрьской революции его пригласили работать в Институт Бехтерева. Его исследованиями в области паранормальных явлений заинтересовались чекисты, после чего он начал работать в спецотделе ОГПУ под руководством Г. И. Бокия.

Главной страстью А. В. Барченко с юных лет была эзотерика; он полагал, что сокрытые традиции Востока, несущие тайное знание, сохранившие древние технологии работы с сознанием, способны изменить мир, и видел свою миссию в том, чтобы эти традиции воспринять и передать тем, кто к этому подготовлен. На послереволюционную Россию, где все начиналось наново, он смотрел с энтузиазмом и надеждой, как на место, где эти технологии могут быть востребованы. Марксизм он видел как учение, близкое к гуманистическим идеалам традиционного знания, а коммунистическую элиту – как честных коммунистов, которые, если их просветить, способны эти идеалы воплотить в жизнь.

Особенно Барченко интересовала Шамбала как очаг некой древней культуры и науки, существующий в горах Тибета, место, где хранится традиция Калачакры. Он даже готовился (в рамках спецотдела) к экспедиции в Тибет на поиски этой страны для овладения наследством «тайной науки», однако экспедиция не состоялась.

Для продвижения своих планов в 1923 г. Барченко организовал эзотерическое общество «Единое трудовое братство», в которое входили помимо его ближайших друзей и такие люди, как Г. И. Бокий.

Поддержку своим планам А. В. Барченко искал как в среде ученых-востоковедов, так и среди буддийского духовенства, однако его энтузиазм в отношении советской власти и чистоты мотивов партийных функционеров и руководства ОГПУ выглядел опасным заблуждением (по меньшей мере), он прослыл опасным дилетантом, от которого лучше держаться подальше, и к 1927 г. он остался почти в полной изоляции.

Именно в этот период он обратился за поддержкой к видному исследователю Тибета Г. Цыбикову (1873–1930), автору знаменитой книги о своем путешествии «Буддист-паломник у святынь Тибета», первого перевода фундаментального труда Цонкапы «Ступени пути к Просветлению (ч. 1) и других работ.

В своем стремлении привлечь к поискам Г. Цыбикова – не только как видного востоковеда, но и как носителя буддийской традиции – А. В. Барченко довольно подробно излагает свои представления о том, как именно буддизм (а именно учение Калачакры) соотносится с коммунистической идеологией и научным знанием. Эти представления в значительной степени характерны для интеллектуалов начала XX в. В письмах А. В. Барченко хорошо представлена и та колоритная атмосфера послереволюционных лет, в которой буддизм начал свое вхождение в культуру Запада, в которой, как тогда многим казалось, все возможно – и увлечь идеями Калачакры коммунистическую элиту, и найти эту чудесную страну в костромских лесах.

Ответных писем Г. Цыбикова нам обнаружить не удалось, однако, судя по содержанию второго письма А. В. Барченко, по крайней мере одно ответное письмо было. Судя по всему, Г. Цыбиков благоразумно уклонился от сотрудничества. В 1937 г. А. В. Барченко был арестован, а в 1938-м осужден к высшей мере наказания по обвинению в создании «Единого трудового братства», которое было квалифицировано как масонская контрреволюционная террористическая организация, и расстрелян.

Публикация писем сделана по машинописным копиям, хранящимся в ГАРБ [ф. 1, оп. 1, № 1295, л. 1–43]. В копиях сокращены некоторые места, где А. В. Барченко приводит обширные цитаты.

Письмо первое

Вручение письма и сообщение в случае
надобности дополнительных сведений
поручается Владимиру Николаевичу Королеву.
24 марта 1927 года
Крым
Г. Бахчисарай. АЗИЗ. д. № 4
Александр Васильевич Барченко.

Проф. Г. Цыбикову.

Глубокоуважаемый профессор!

Почтительно прошу Вас отнестись к моему сообщению с особой вдумчивостью. Убедительно прошу оценить те вопросы, которые в этом письме затронуты, не только с точки зрения западного квалифицированного ученого, но с точки зрения ученого и философа восточного, с точки зрения бывшего в районах БЛИЖАЙШИХ к недоступному для европейцев центру древнейшей и глубочайшей философии Востока.

Параллельно с этим я прошу Вас предварительно продумать глубоко побуждения,двигающие меня на это письмо, понять их и оценить беспристрастно. И отдать себе отчет, что ни содержание этого письма, ни ваш ответ по существу на предложенные Вам вопросы – не могут скомпрометировать Вас ни с научной, ни с политической стороны. Не могут грозить Вам никакими личными осложнениями ни как ученому, ни как общественному деятелю, занимающему определенное служебное положение.

Вы должны отдать себе ясный отчет, что письмо мое зовет Вас не на политическое выступление, приглашает Вас не к участию в какой-либо политической или хотя бы общественной или служебной группировке, а лишь просит и ожидает товарищеского совета и научного содействия от Вас, как ученого, научный и жизненный путь которого представляется вашему корреспонденту путем общественного деяния.

Побуждения, двигающие меня на обращение именно к Вам, таковы:

1) Вы – высококвалифицированный европейский ученый, знакомый с требованиями европейского научного метода. Одновременно Вы – ламаист, лично посетивший глубокий (хотя бы только восточный) Тибет. Вы владеете тибетским языком. Вы лично наблюдали на месте быт Тибета. Вы должны ЗНАТЬ истинный смысл легенд о Шамбале. Вы должны знать истинное положение в Тибете Саджа и Саджа-Банченя. Как ламаист Вы не можете не знать, хотя бы номинально, недоступного для европейцев содержания дисциплин, изучаемых Джюжа.

2) Логически можно допустить, что в Бурятии есть ученые, посвященные с той или иной глубиной в теорию Дюн-Хор (т. е. Калачакры. – С. Н.), а не только в отдельные практические ее методы. Принимая во внимание величину Вашей общественной деятельности и Вашего научного авторитета – логически можно допустить, что Вам могут быть лично известны буряты, посвященные в < Дюн-Хор >.

3) С другой стороны, очевидно, что Вы представляете из себя глубоко идейного человека. За это говорит Ваше уклонение от громкой политической деятельности, на которую Вы, по всем объективным данным, имеете и основание, и право, и реальную возможность.

4) В пользу того, что Вы являетесь идейно, морально и граждански чистым общественным деятелем, говорит еще следующее:

а) Ваш капитальный труд о Тибете почти 20 лет задерживался с выпуском в свет, в зависимости от группы, известной своим оппортунизмом и относящейся к Востоку и Тибету под совершенно определенным углом зрения, как к стране дикарей, стране УПАДОЧНОЙ культуры, стране, обязанной подчиняться западной цивилизации;

б) Ваше руководство к изучению тибетского языка этой группой изгнано из русской высшей школы и даже из продажи;

в) Ваша научная компетенция в вопросах о Тибете оспаривается категорически этой группой;

г) Ваша научная помощь в изучении Тибета и тибетского языка, особенно необходимая ныне России, той же группой настойчиво игнорируется и отстраняется.

5) От Ваших соотечественников-лам, бывших в Тибете, я слышал в Ленинграде в 1923 г., что Вы вообще отстраняетесь от крупных и почетных должностей, и особенно пристальное внимание уделяете разработке и популяризации в среде Вашего родного народа памятников древнейшей тибетской философии, преимущественно из области морали и умозрения.

Вышеизложенное дало мне основание допустить, что мое обращение встретит с Вашей стороны вдумчивое, серьезное отношение и что побуждения мои Вами не будут поняты превратно и ложно.

Сведения обо мне, авторе настоящего письма, в общем таковы:

Я – русский 46 лет от роду. По образованию – естествовед-биолог. По среднему образованию – классик. Около 18 лет я посвятил изучению древнейшего естествознания.

В результате у меня выработался взгляд на древнейшую культуру Востока, в частности Тибета, – в корне отличный от общепринятого европейцами взгляда. Этот взгляд нашел исчерпывающее подтверждение, когда сначала в результате умозрения, а затем в зависимости от определенных встреч с различными учеными разных национальностей, я обнаружил основную тайну Дюн-Хор. С момента ее обнаружения я стал работать научно исключительно анонимно. И пытался и продолжаю пытаться глубоко перевоспитать себя нравственно.

В результате углубления в теорию Дюн-Хор у меня оформилось стремление посвятить в эту тайну наиболее крупных идейных и бескорыстных государственных деятелей России – чтобы сообщить им правильный взгляд на истинное содержание и истинную ценность древнейшей и современной культуры Востока.

В свое время в 1923 г. я в Ленинграде пытался прибегнуть в этом направлении к помощи и совету группы лам (имен называть не буду) и русских профессоров, этим ламам протектировавших. Этот мой шаг встретил со стороны главы лам и всей профессуры самое враждебное отношение. В академических кругах стали широко распространяться слухи о моей будто бы личной, даже материальной заинтересованности в этой попытке. Взгляды мои на восточную культуру всячески дискредитировались. Дошло до того, что мое имя стали в печати связывать с заведомо ложными и дутыми сообщениями о научных открытиях, не имевших места в действительности. Перед группой же лам, к помощи коих я обратился, той же группой я был выставлен как научный карьерист, мистификатор и даже как платный «тайный» агент большевиков.

Потеряв в связи с этим уважение к академической среде, я по собственной инициативе отказался от службы в Наркомпросе и уже в течение двух лет работаю по научно-техническому отделу ВСНХ над исследованиями в области геолиодинамики и исследованиями лекарственных растений.

Мой скромный и заурядный, но ФАКТИЧЕСКИ, а не ложно – для определенных целей определенной группой извращенный научный стаж и общественная работа иллюстрируются приложенными к этому письму документами.

От присужденного Ученым Институтом напечатания моей большой научной работы после обнаружения мною тайны Дюн-Хор отказался.

Враждебное отношение Ваших соотечественников-лам, в той академической группе, которая не менее враждебно относится (как вы, наверное, знаете сами) и к Вам, не заставило меня отказаться от намерения посвятить высших руководителей коммунистического движения в России в тайну Дюн-Хор. Ибо намерением этим, ни в какой мере, не руководили личные интересы и выгоды. Моими шагами руководило и руководит глубокое сознание и убежденность, что истина вообще, а в моменты величайших общественных и мировых столкновений в особенности не может принести вреда лучшей части человечества.

Однако на практические шаги в реализации своего намерения я решился не сразу. И как показало дальнейшее, не опрометчиво.

Окончательному моему решению войти в контакт с политическими деятелями для научной защиты Дюн-Хор предшествовали с моей стороны не только глубокое размышление, но и совещание с оказавшимся в России восточником, монгольским ученым (вам возможно также известным) лично бывшим в Сажжаи, принципиально одоббившим мою попытку.

Совершившийся акт познания с моей стороны Дюн-Хор я рассматривал как моральную обязанность ни с чем не сравнимой тяжести и ответственности. Меня глубоко тревожил вопрос, согласуется ли коренное мировоззрение группы членов правящей партии, пред коими я решил обнаружить тайну Дюн-Хор, с главным положением традиции: «Главным побудителем участия в воздействии на мировые события должна быть цель нравственного усовершенствования отдельных общественных групп или всей совокупности их».

Я подошел к разрешению этого вопроса с такой стороны:

Общеизвестно, что какое бы ни было проявление начала нравственности в форме того, что называется моралью, неразрывно связано с общественно-государственными действиями человека.

Проявить нравственность в форме ли самоотвержения, или самоограничения, возможно лишь в том случае, если человек вступит в какое-либо отношение с окружающей средой. Но своим высшим достижением, высшим основанием и оправданием своих поступков, т. е. тем, что должно заменить для общества категорию «мораль», учителя марксизма открыто исповедуют КОЛЛЕКТИВИЗМ, т. е. мировое начало, ОБНАРУЖИВАЕМОЕ Дюн-Хор.

В своей известной речи в Доме Советов в 1922 г. Ленин настойчиво подчеркнул, что большевизм стремится не к «царству рабочих и крестьян» как экономических классов, но к действительному и полному уничтожению экономических классов в обществе.

Обоснованием такого стремления большевизм выставил следующее рассуждение:

Разделение общества на имущественные классы – есть такое разделение человеческого общества, которое зависит не от естественных природных здоровых способностей человека, не от способностей, приближающих его к состоянию Будды – каковы: трудолюбие, самоотвержение, храбрость, честность, любовь к людям, стремление протянуть руку помощи отстающему на жизненном пути, врожденный или воспитанный талант к ремеслам или художествам, обеспечивающим здоровые нужды человечества. Но от способностей, которые священными книгами всех народов оцениваются как способности нездоровые, впереди коих стоит склонность к накоплению богатств в количестве, превышающем удовлетворение здоровых потребностей человека и его семьи. Эта склонность по справедливости должна оцениваться как самая опасная из ведущих к нравственному растлению, к воспитанию порочных наклонностей человека.

Ибо в наше время во всем мире рядом с сытостью и роскошью повсюду картины нужды, порабощения и голода.

Среди этих картин сберегать и копить собственность способен только человек с черствым, жестким сердцем – человек «отрешенный, непричастный прохождению страданий».

Накопление в руках такого человека богатств и рабочих орудий в количестве, способном обеспечить жизнь многих людей, позволяет этому человеку самому не работать и жить за счет тяжелой работы людей, равных с ним в достижении святости Боди (т. е. Bodhi, просветления, пробуждения. – С. Н.).

Это воспитывает в человеке богачом не только лень и склонность к распушенности, к грубой и извращенной чувственности, но и воспитывает в нем настоящее презрение к людям, живущим тяжелой работой своих рук. В конце концов богач, вопреки справедливости, начинает чувствовать себя выше и сильнее трудящихся. Ни высшая справедливость, ни закон священных книг не дают ему этого права. Богач сам завоевывает себе это право. И орудием этого завоевания служит подкуп всех, кто обязан законом защищать равное право на жизнь и уважение и более богатого и более бедного, ибо в праве на достижение Боди люди равны. А для Родины выше тот, кто ее защищает, не жалея ни своего труда, ни своего имущества, ни своей жизни.

Таким образом, это имущество в руках богача растлевают не только его душу, но и души тех, к чьей помощи он прибегает. Не только тот, кто зависит от богача, но и все, кто обязан священным законом предостерегать и сдерживать его, кто обязан оберегать более слабого от более сильного, – все эти держащие закон в руках люди, соприкасаясь с богачом, постепенно умирают духовно и заражают своей страшной духовной болезнью – продажностью окружающих.

Большевики борются против накопления больших богатств в руках одного человека не из зависти и соревнования, но глубоко осознав и научно проверив общечеловеческий вред такого накопления. Ибо по справедливости не может называться врачом тот врач, который в борьбе с глубокой внутренней болезнью будет смазывать кожу душистой мазью, лишь на время утишающей боль. А корень болезни не вырвет, боясь, что больной упрекнет его в грубости или плохо заплатит.

С этим нездоровым, заражающим, противоестественно выросшим классом непримиримо борются учителя большевизма. Но они нигде и никогда не требовали, чтобы люди были ВЕЗДЕ и ВСЕГДА одинаковы. Чтобы все поровну пили, ели и работали.

Марксизм понимает, ценит и защищает важность различия здоровых человеческих способностей, естественных человеческих потребностей. И путем изучения и защиты их, стремится, в форме профессионального отбора, построить человечество так, чтобы воспитались классы – не экономические, т. е. имущественные, основанные на различном количестве способности, но классы профессиональные, т. е. образовавшиеся путем воспитания естественных трудовых способностей и навыков человека.

Всякий, посвященный в тайну Дюн-Хор, должен по совести признать, что только такие классы могут обеспечить действительную взаимную помощь друг другу, что только такие классы могут сделаться со временем настоящими органами – здоровыми живыми частями – тела государства и человечества. И только такое разделение общества способно превратить человечество нашей планеты в живущее здоровой жизнью отражение Будды, в котором все части тела взаимно обслуживают и укрепляют друг друга, и не борются с друг другом, как теперь – на гибель всего тела.

Европейская наука в данную минуту в полном объеме зависит от капиталистов и обязана защищать интересы только этого класса. Европейская наука до сих пор не выработала никакого практического опыта к воспитанию естественных профессиональных классов. Европейская наука даже не смеет разрабатывать этот вопрос – ибо это грозит интересам ее теперешних хозяев.

Владеющие тайной Дюн-Хор имеют громадный, многотысячелетний опыт как раз в воспитании естественных профессиональных классов общества. Они имеют в своих руках до сих пор точно проверенные практические способы воспитания и тайну РАЗУМНОГО обоснования этих способов.

В настоящую минуту, когда с каждым часом назревает, когда в ВОЗДУХЕ ВИСИТ общее великое столкновение Востока и Запада – не предостеречь вышших руководителей большевизма, не научить их, не обнаружить перед ними подлинной сущности и формы той величайшей ценности, которую они внутренне познали, которую открыто выставили на своем знамени и к защите и к осуществлению которой они зовут все человечество и которую осуществить в жизни сами без помощи знающих тайну они не умеют и не сумеют – не придти к ним на помощь с братским советом могут лишь люди с узким кругозором, люди, глядящие на мир со стороны и видящие лишь форму, а не сущность.

А знающим тайну Дюн-Хор Великое дает возможность созерцать мир и жизнь ИЗ ЦЕНТРА В БЕСКОНЕЧНОСТЬ – глазом Будды.

В дальнейшем ознакомление с руководящей литературой марксизма обнаружило передо мной, что учение марксизма отнюдь не является непримиримым противником нравственного развития ОТДЕЛЬНОГО человека. Но учение марксизма выражает эту идею сухим языком современной европейской науки – в оценке вопроса самого больного в науке о нравственности.

Марксизм говорит так: «Свобода состоит в основанном на познании необходимости природы господстве над самим собой и над внешней природой» (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 112–113 в нем. изд.). Широкие массы населения уверены, что марксизм совершенно отрицает то, что называется «духовным миром», «духовной сущностью». При ближайшем знакомстве с марксистской литературой ясно, что марксизм этой сущности вовсе не исключает.

Привлекая Ваше внимание к следующим положениям Ленина. Реально нельзя себе представить мысль, существующую без «материи». Остается одна лишь возможность подведения всего сущего под категорию «материя». Конечно

и противоположность материи имеет абсолютное значение только в пределах ограниченной области, в данном случае в пределах гносеологического (познавательного) вопроса о том, что признается первичным и что вторичным. ЗА ЭТИМИ ПРЕДЕЛАМИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ДАННОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОМНЕННА. Оперировать за пределами познавательных исследований с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с АБСОЛЮТНОЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬЮ было бы громадной ошибкой. Чувственное представление не есть существующая вне нас действительность, а только образ этой действительности.

Большевики взяли на себя действительно чудовищную ответственность перестроить воспитание, и государство, и общество в мировом масштабе. За это их справедливо упрекают в излишней смелости и излишней самонадеянности. Но они решились взяться за это не за свой страх, а опираясь на самые серьезные основания, разработанные той самой европейской наукой, которая теперь выступает против них. Именно, на самые серьезные труды европейской науки, освещающие вопрос об историческом и экономическом взаимоотношении общественных классов.

Они руководились вполне определенным научным мировоззрением, которое в эпоху русской революции опиралось на данные европейского естествознания, отвечающие именно этой эпохе.

Но даже и при этом большевики не выставляли своего мировоззрения чем-то неприкосновенным, ненаруσιμο обязательным и вполне законченным. Их мировоззрение вовсе не исключало и не исключает теперь возможности, необходимости и приемлемости добросовестной и разумно обоснованной совещательной помощи и совещательных поправок.

Ленин в своем сочинении прямо говорит: «Марксизм не догма, а руководство к деятельности. Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это – вздор. Мы знаем НАПРАВЛЕНИЕ этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут к нему, а конкретно, практически, это покажет опыт миллионов, когда они возьмутся за дело» (Ленин. Собр. соч. Т. 14, ч. 2, с. 83–84).

Лежащая в основе мировоззрения большевиков натурфилософская система материализма, по словам самих большевиков, с каждым составляющим эпоху открытием, как в области естествознания, так и в области истории человечества, ИЗМЕНЯЕТ СВОЮ ФОРМУ (Л. Деборин «Ленин – воинствующий материалист», с. 37).

Единственно, чего требуют большевики, это «не смешивать форму материализма с основной сутью, не изменять сути материализма под видом критики, это непозволительно».

Таким образом, вырастает главный вопрос, насколько эта «суть», в данном случае не подлежащее изменению представление о материи, согласно с учением Дюн-Хор об основе мироздания.

Марксизм отвечает на этот вопрос следующим образом: «Основные формы всякого бытия есть пространство и время». «Время и пространство не формы рассудка, а формы бытия, то есть объективные категории». «Человеческие представления о времени и пространстве относительные, но, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней (Ленин. Собр. соч. Т. X. С. 143). Опыт и познание все более приспособляются к объективному пространству и времени, все правильное и глубже их отражая» (Там же, с. 154).

«В мире нет ничего, кроме ДВИЖУЩЕЙСЯ материи и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и времени». «Диалектический материализм (марксизм) рассматривает всякие физические учения о строении материи лишь как относительное приближение к объективной действительности, которая никогда не может совпасть целиком с физическим понятием материи, которая на каждой ступени развития науки отражает лишь данный предел объективной реальности» (Там же. Т. XVII).

«Философское понятие “материя” не означает иное, кроме как объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» (Ленин. Собр. соч. Т. X. С. 108). Философское понятие материи связано неразрывно лишь с одним свойством ее: оно утверждает существование, объективное бытие материи, существование ее вне нашего сознания (А. Деборин).

Теперь нужно разрешить вопрос: как, в какой мере представляет себе марксизм эту основную реальность. Она, по словам марксистов, представляет из себя «бесконечный, во времени и пространстве беспрестанно разворачивающийся процесс путем бесконечного составления конечных величин» (Энгельс в изложении А. Деборина).

Другими словами, марксизм отличается от других философских систем (дуалистических, агностических, интуитивистических и пр.) в корне тем, что материализм марксистов исходит из признания существования вне нашего сознания вечно движущейся и изменяющейся материи.

Носят ли эти движения и изменения основы мироздания характер хаотичности и беспорядочной революционности, в которой обычно упрекают большевиков? В ответ на это учителя марксизма рисуют такую картину: «материализм отстаивает объективную, закономерную и необходимую связь между явлениями» (А. Деборин).

Материалистов от других философов бесповоротно отделяет утверждение, что источником познания, причинных связей является объективная закономерность природы (Ленин. Собр. соч. Т. X. С. 129). «С точки зрения материализма, причинная зависимость выражает определенное отношение между реальными вещами» (А. Деборин). «Человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Гл. 3. С. 114). «Элементы закономерности, причин и следствия имеют значение как таковые лишь в применении к отдельному случаю. Но

как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия (Энгельс. Анти-Дюринг).

Теперь вопрос: как смотрят учителя марксизма на значение свободы в этом закономерном механизме. Вопрос – похоже ли в этом учение марксизма на проповедь произвола, беспорядочного разрушения.

Марксизм отвечает так: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом познании возможности планомерно заставить законы природы действовать для определенных целей» (Энгельс. Анти-Дюринг). «Свобода состоит в основанном на познании необходимостей природы господстве над самим собой и над внешней природой» (Там же). «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первой линии те последствия, на которые мы рассчитывали, но во второй и третьей линии совсем другие непредвиденные последствия, которые слишком часто уничтожают значение первых. Мы ни в коем случае не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, как кто-либо, находящийся вне природы, мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгами принадлежим ей и внутри нее находимся и все наше господство состоит в том, что мы в отличие от других существ сумеем постигать и правильно применять ее законы» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса).

Каким же путем предполагает марксизм вести человечество к овладению мировой универсальной закономерностью, наличие коей им осознано, как видно из вышеизложенного. И осознано не в смутной форме, но определенно и непрерываемо. Ленин совершенно точно определяет этот путь в самом главном, в развитии науки, от которой зависит наиболее глубокое познание законов, управляющих миром. Ленин настойчиво подчеркивает необходимость «в каждом моменте математических формулировок физических явлений следить за тем, чтобы математическому элементу отвечал физический элемент (физическое явление), чтобы математический элемент не заменял бы элемента физического. Если ученый или исследователь забывает это требование, то он неизбежно впадает в заблуждение» (Ленин).

Вы видите сами, что это требование полностью соответствует главной тайне священного счисления (Мате – Маха) универсальной науки.

Остается проанализировать основания очевидной враждебности большевиков, в частности Ленина, не только к «Богу клерикалов», но и вообще к самой идее Бога.

Ленин ясно отвечает на это цитатой из Фейербаха: «Теизм допускает бытие существа, отличного от природы, и вносящего порядок, целесообразность и закономерность в природу, самое по себе хаотичную, чуждую всякой определенности». Разум теистов есть разум, находящийся в противоречии с природой, абсолютно лишенный понимания сущности природы. Разум теистов разрывает

природу на два существа – одно материальное, другое формальное, или духовное (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм).

Против такого именно Бога непримиримо борются марксисты. Проповедь же об ином Боге, безлично истинном, которая могла бы выдержать беспристрастную критику здравого смысла в странах цивилизованного Запада, не раздавалась в течение тысячелетий. И почерпнуть сведения о безлично истинном Боге, об истинном содержании ценности религиозного чувства, тем более о ценности культа, большевикам было по совести неоткуда.

Таким образом, внимательное изучение натурфилософских оснований марксизма, как совершенно самостоятельного оригинального научно-философского течения, обнаружило передо мной с исчерпывающей очевидностью, что:

1) Все натурфилософское учение марксизма сводится к положению: «мировой субстанцией (основой) является нечто вечно подвижное, вечно и бесконечно меняющее форму. Процесс этой подвижности и трансформации объективен, т. е. имеет место в мире независимо от восприятия и сознания наблюдающего. Вечное движение и вечные трансформации единой сущности, сопровождающие этот процесс, внутренне закономерно связаны. Все явления феноменального мира являются лишь пространственно-временными видами единой, вечно движущейся сущности, абсолютное познание коей для человека в его современной форме существования недоступно. В зависимости от сего понятие человека обо всем относительно.

2) Марксизм есть глубоко и последовательно монистическое понимание.

3) Диалектическое (марксистское) понимание мирового процесса представляет этот процесс развивающимся по пути ступеней закономерности, выражающихся в законе: «Количественное накопление в определенных моментах обнаруживается в новом качестве».

4) В натурфилософии марксизм неумело и уродливо (оттого, что вырос в обстановке западного аналитического воспитания) стремится к синтетическому, созерцательному методу исследования. Но он подлинно к нему стремится.

5) Представление учителей марксизма об основной мировой субстанции, о «материи» (по их терминологии), вплотную подходит к картине, открываемой Дюн-Хор, и является здоровым и прочным основанием к планомерному расширению кругозора в сторону разумного, научно аргументированного осознания истинной картины мирового процесса, обнаруживаемой Дюн-Хор.

6) Представление марксизма о взаимоотношении цивилизации и природы открывает для владеющих тайной Дюн-Хор полную возможность совещательно-го участия в разумном обосновании и широком проведении в жизнь технических оздоровляющих методов доисторической универсальной науки.

Всестороннее обсуждение этого и глубокое раздумье привели меня к убеждению, что в марксизме человечество имеет начало именно такого мирового движения, которое должно привести человечество к тому великому столкновению цивилизаций, которое выражено в древнейших преданиях всех народов во-

сточных. У ламаистов – в легенде о «Шамбалинской войне». У мусульман – в легенде о пришествии Махди из Джабулая. У христиан и иудеев – в легенде пророка Иезекииля о великой последней войне между севером и народом праведных, собранном из всех народов, живущих на вершине земли, – каковое описание явно отвечает той же Шамбале.

Это убеждение мое нашло себе подтверждение, когда я встретился с русскими, тайно хранившими в Костромской губернии традицию Дюн-Хор. Эти люди значительно старше меня по возрасту и, насколько я могу оценить, более компетентные в самой универсальной науке и в оценке современного международного положения. Выйдя из костромских лесов в форме простых юродивых (нищих), якобы безвредных помешанных, они проникли в Москву и отыскиали меня, служившего тогда (в 1923/24 г.) в качестве научного сотрудника Главнауки.

Посланный от этих людей под видом сумасшедшего произносил на площадях проповеди, которых никто не понимал, и привлекал внимание людей странным костюмом и идеограммами, которые он с собой носил (Михаил Круглов живет в настоящее время на Волге в г. Юрьевце Иваново-Вознесенской губернии, ул. Свердлова, собственный дом). Этого посланного крестьянина Михаила Круглова несколько раз арестовывали, сажали в ГПУ, в сумасшедшие дома. Наконец пришли к заключению, что он помешанный, но безвредный. Отпустили его на волю и больше не преследуют.

В конце концов с его идеограммами встретился в Москве и я, который мог читать их и понимать их значение. Таким образом, установилась связь моя с русскими, владеющими русской ветвью традиции Дюн-Хор.

Когда я, опираясь лишь на общий совет одного южного монгола, лично бывшего в <Шигатзе?>, решился самостоятельно открыть пред наиболее глубокими идейными и бескорыстными государственными деятелями большевизма тайну Дюн-Хор, то при первой же моей попытке в этом направлении меня поддерживали совершенно неизвестные мне до того времени хранители древнейшей русской ветви традиции Дюн-Хор.

Они постепенно углубляли мои знания, расширяли мой кругозор. А в нынешнем году, в период с 28 февраля по 7 марта, формально приняли меня в свою среду и формально уполномочили меня в марте месяце этого же года известить всех соплеменников, владеющих традицией Дюн-Хор, о нашей работе в России.

Это именно полномочие я и выполняю настоящим письмом.

Я не смею утруждать вас никакими личными просьбами. Я значительно беднее вас знаниями и жизненным опытом (мне 46-й год). И посему я не смею ожидать от вас исключительного уважения к моим взглядам и к моему незначительному научному багажу.

Я лишь позволю себе почтительно просить вашего внимания к моей весьма, быть может, наивной оценке современного положения. В том числе и по отношению к близкой вам, к родной вам культуре и народности.

При наличии такого соотношения политических сил, которое наблюдается и вырастает с каждым днем, грандиозная борьба между Востоком и Западом рано или поздно неизбежна. В момент наивысшего морального подъема и идейной чистоты Русская Социальная Революция, не обладая еще знанием той Великой Ценности, которой скрыто владеет Восток, в лице Ленина ИНТУИТИВНО осознала ценность идейной поддержки Востока и необходимость идейного контакта с ним.

Ныне Россия снова рискует потерять связь с Востоком, с каждым днем бесповоротно зарываясь в идейные компромиссы с Западом и СОВЕРШЕННО ИГНОРИРУЯ БЫТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МНОГОТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ ОПЫТ ВОСТОКА.

Во всяком случае, Россия в данную минуту СОВЕРШЕННО ДАЛЕКА ОТ ПОНИМАНИЯ ТОЙ ВЕЛИЧАЙШЕЙ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ, КОЕЙ СКРЫТО ВЛАДЕЕТ ВОСТОК.

Взрывы энтузиазма и симпатии к России, сопровождающие революционные движения восточных народов, опирающихся на сочувствие и идейную поддержку советской власти, не могут ввести в заблуждение вдумчивого наблюдателя. Симпатии народов Востока к России реальны до тех пор, пока Россия не посягает на коренные основы самобытности Востока. А такое посягательство рано или поздно неизбежно. Ибо советская власть к 11-му году революции НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТ О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ КУЛЬТУР ГЛУБОКОГО ВОСТОКА. В течение 10 лет существования специальных школ, основанных в России для сношения с Востоком, не выпущено ни одного человека, знакомого с разговорным тибетским языком и с обиходным, а не классическо-церковным тибетским алфавитом. До того момента, когда я, пишущий эти строки, человек посторонний – ученый совершенно иной специальности (в 1924 г.), через студентов поднял движение за предоставление студентам монгольских разговорных словарей, слушатели Института живых восточных языков были лишены всякой возможности ознакомиться с разговорной речью, даже монгольской, не только тибетской.

На мои попытки привлечь внимание ученых кругов в академической среде к Вашему руководству тибетского языка, к Вашей лично опытности, как лично посетившего Тибет – я встретил со стороны всех без исключения ориенталистов самое горячее утверждение, что Ваши руководства безграмотны, что Вы пишете о Тибете небылицы.

Вашего руководства тибетского языка нельзя достать в России теперь нигде и ни за какие деньги. Между тем как коренной тибетец (Ванчог Доржи) у меня на глазах, увидев у меня это руководство (я намеренно вырвал из книги заглавный лист с Вашей фамилией), буквально вцепился в него. С радостью перечитывая, находя массу знакомых, родных оборотов, утверждал, что это руководство несравненно лучше Шмидта, Баля и пр., и настойчиво просил его у меня для переписки. Он был очень изумлен, когда я сказал, что автор руководства Вы – Цыбиков.

По словам Ванчога Доржи он в Верхнеудинске был знаком с Вами. Но когда лица, являвшиеся для него высшим авторитетом (ламаисты – я не буду называть их) и русские профессора сказали ему, что Вы, Цыбиков – непримиримый ненавистник Тибета и что Вы распространяете про Тибет самые порочащие его вещи в своих сочинениях, он, Ванчога Доржи, перестал с Вами кланяться. Я передаю этот факт, как типичный способ отстранения от контакта с идейными руководителями советской власти идейных работников Востока, могущих познакомить эту власть с истинным, а не выгодным для Запада обликом глубокого Востока, в частности Тибета.

Для нас не может быть тайной, что группа ориенталистов, держащихся в вопросе о Востоке всецело западной, во всяком случае, старозападно-европейской ориентации, группа, для которой высшими непререкаемыми авторитетами является школа Рокхила, Остина Уоделля и Свен-Гедина, что эта группа отделила Бурятию, Монголию и Тибет от ушей и взора идейных руководителей советской власти непроницаемым барьером. И бросила эти страны в полном объеме в руки спрятавшихся за политической безответственностью, за своей беспартийностью, за академическим авторитетом ориенталистов. Именно эти ориенталисты в действительности двигают своим научным авторитетом все культурные шаги и культурно-политические мероприятия Советского правительства в отношении Востока и восточных окраин. В зависимости именно от этого барьера своеобразность быта Востока, особенно для Востока ценная, советской властью изучается не самостоятельно, а расценивается поверхностно, по готовому, «освященному» высшим ученым авторитетом шаблону – Made in England. Расценивается, как «суеверные пережитки дикарей», с которыми необходимо бороться непримиримо, во имя коммунизма, во имя «высшей цивилизации», «на благо человечества».

Из такого инспирированного определенной группой ориенталистов взгляда вытекает целый ряд самых резких, самых грубых политических мер, которые возбуждают справедливое негодование восточных масс и бесповоротно отталкивают от идейного сотрудничества с Советской властью наиболее бескорыстных и наиболее глубоких работников окраинных национальностей.

Советская власть искренне убеждена, что она разрушает вредные пережитки восточных народов. Искренне уверена, что, ломая коренной быт Востока, она несет «бедным дикарям» подлинные блага европейской цивилизации. Это взаимное непонимание логически, в конце концов, должно привести к тому, что Россия окажется в рядах западных угнетателей Востока. Во всяком случае, именно угнетателем будет представляться широким массам Востока Россия, не понимающая ценности того, что она разрушает.

До тех пор, пока руководители Советской России не поймут, какой высочайшей позитивной ценностью <...> владеет Восток скрыто, эти руководители из самых лучших, из самых чистых побуждений обречены делать один за другим, ряд грубых, разрушительных, гибельных и для Востока, и для России шагов.

Это положение с каждым днем усложняется, с каждым днем несет новые угрозы международному миру вообще и дружеским отношениям России с Востоком в частности. Единственно возможный, разумный и совершенно необходимый выход из этого положения – скорейшее ознакомление крупнейших идейных руководителей Советской власти с истинным положением вещей, с истинной ценностью тех древнейших бытовых особенностей Востока, к разрушению которых Советская власть подходит так грубо и примитивно, не из злостных побуждений, но по неведению – действуя с глазами, завязанными ей авторитетом западноевропейской академической науки.

Самым сильным, самым неоспоримым и убедительным орудием в этом может послужить подтверждение, что Восток до сих пор владеет в неприкосновенности не только случайно уцелевшими практическими формулами тантрической науки, но и всей разумно обосновывающей ее теорией Дюн-Хор. Это с неопровержимой достоверностью докажет Советской власти, что Восток владеет глубоким, разумным и в полном смысле позитивным научным обоснованием тех древнейших бытовых особенностей, которые он упорно защищает от грубого разрушения.

Советская власть станет перед очевидным фактом того, что в лице идейных вождей именно самобытного, а не европеизированного Востока она имеет не только братьев по наиболее близкой к коммунизму философской идеологии, но братьев старших не только по историческому, но и по научному опыту.

Я имею конкретные доказательства того, что предлагаемый мною выход не утопия и не наивная индивидуальная попытка: с одной стороны, в России уже имеются конкретные лица, глубоко и детально владеющие знанием древнейшей русской ветви Дюн-Хор. Эти лица настойчиво стремятся осведомить руководителей России о величине той общечеловеческой ценности, ветвь коей они держат в руках. Эти лица уже в течение 2,5 лет, сначала неведомо для меня, а теперь открыто поддерживают мои личные шаги в этом направлении. Эти лица готовы участвовать в совещании о формах разумного обоснования и доказательства перед Советской властью позитивности и общечеловеческой ценности Дюн-Хор.

Эти лица формально уполномочили меня с 7 марта 1927 года обратиться немедленно с призывом к этому совещанию в России ко всем нашим братьям по знанию Дюн-Хор других национальностей. Представители мусульман, в лице шейхов ордена <?> древнейших мусульманских родов, наследственно владеющих знанием Дюн-Хор в форме тех или иных из 12 дисциплин <?>. В среде мусульман, где я теперь научно работаю, уже выразили готовность участвовать в совещании и подтверждении пред Советской властью, что Дюн-Хор жив до сих пор на мусульманском востоке, в Аравии, Африке, в Индии и на о. Ява.

Уже установлены связи в этом направлении с Кавказом. С другой стороны, в Москве имеется конкретная группа представителей Советской власти высочайшей государственной компетенции (не из среды оппозиции), которая не

только с интересом, серьезностью и благожелательностью ожидает проведения в жизнь этого совещания и оформления его совещательного голоса, но и является группой, достаточно глубоко посвященной в основные теоретические тайны Дюн-Хор.

В течение двух лет эта группа занималась под моим руководством изучением теории Дюн-Хор в основных ее пунктах и сравнением с теоретическими основами западной науки. В настоящее время эта группа пришла к единогласному заключению, что обнаруженные перед нею научные положения Дюн-Хор представляют из себя подлинно высокие научные ценности, а отнюдь не продукт суеверия и наивной мысли дикарей.

Для всякого знакомого с подлинным, а не выродившимся или злобно искажаемым обликом истинных вождей русской революции ясно и неоспоримо, что опасность идейного разрыва с Востоком стоит в зависимости не от злой воли современных идейных вождей России, но единственно от подлинного незнания с их стороны того, что для поднятия и оздоровления угнетенной части человечества на Востоке реально существуют неизмеримо более чистые объективные и мощные пути, чем пути западной цивилизации.

На протяжении своей служебной научной работы мне приходилось сталкиваться с крупнейшими политическими деятелями современности. И совесть, и здравый смысл обязывают меня подтвердить, что обывательские представления о «жестоких грубых и безграмотных большевиках» бесконечно далеки от действительных личностей, живых и подлинных «БОЛЬШИХ БОЛЬШЕВИКОВ», с коими непосредственно сталкивала меня жизнь.

Быть может, это парадоксально для живущего далеко от центра, но грубые и жестокие меры принуждения в России применяются ныне исключительно в политической борьбе, в борьбе с враждебными предательскими посягательствами, в борьбе за государственную власть.

В работе же научно-исследовательской и даже в консультативно-совещательной форме политической работы идейные руководители России на моих глазах совершенно не проявляют стремления к насилию даже по адресу своих идейных антагонистов.

Пример моей собственной деятельности, беспартийного, который в течение 10 лет не стеснялся в своих выступлениях перед правительственными и партийными руководителями открыто подчеркивать свое коренное расхождение с партийной идеологией и тактикой в целом ряде самых коренных вопросов, к примеру в вопросе о религии, семье, о воспитании, об основной тактической точке зрения партии — оправдываются ли целью средства или нет.

Совесть и знание тайны Дюн-Хор обязывает меня свидетельствовать, что со стороны крупных партийцев, от коих я зависел, несмотря на крайне подчас резкую форму моего идейного протеста, никакого поползновения к духовному или даже к политическому насилию по моему адресу я ни разу за 10 лет не встречал. Что же касается оценки отношения большевиков к идейной работе со стороны

интеллигентов, посещающих Ваш край во время экспедиций, то пристрастность их не может не быть для вас ясна.

По совести и крайнему моему разумению я вижу себя вправе утверждать, что человеку, который пойдет из побуждений действительно бескорыстных и с намерениями действительно чистыми (с точки зрения не узко классовой, а общественного порядка) на консультативный контакт с группой крупнейших политических деятелей (старых партийцев), посвященных в Москве в тайну Дюн-Хор, ждать какого-либо насилия по адресу себя, как и тревожиться за то, что сообщенное будет использовано в порядке насилия, нет никаких объективных оснований.

Проделанная мною в России подготовительная работа реально гарантирует совещание от подозрений в мистификации и обеспечивает вполне доброжелательное, вдумчивое, полное внимания, интереса и понимания отношение со стороны политических деятелей России, обладающих конкретными правомочиями по проведению в жизнь в самом широком масштабе весьма многого из тех воспитательно-технических методов, которыми владеет Дюн-Хор.

Государственная и партийная компетенция группы партийцев посвященных в Москве настолько реальна и мощна, что она вполне может и готова обеспечить широкое совещание посвященных полной неприкосновенностью, свободой и всеми гарантиями, защищающими участников этого совещания от непонимания и преследования высших органов власти на местах.

Совещание может быть изолировано от всякого соприкосновения с текущей политической жизнью, от обязанностей выполнять какие бы то ни было политические и служебные задания. Резолюции его могут, если необходимо, не подвергаться никакому опубликованию и поступить лишь в качестве анонимного консультативного (совещательного) материала в высшие государственные органы, изучающие и вырабатывающие бытовые и культурные мероприятия по отношению к восточным окраинам и Востоку. Подробная конкретная программа совещания может быть обсуждена на местах предварительно.

Все жилищные, материальные и политические гарантии, как и формальные гарантии неприкосновенности участников совещания, не замедлят направить Вам на местожительство органы высшей государственной компетенции, как только будет достигнуто принципиальное согласие участвовать в совещании со стороны посвященных в Дюн-Хор ламаистской ветви.

К вышеизложенным соображениям в пользу неотложной необходимости совещания в России посвященных в Дюн-Хор я вижу необходимость присовокупить следующее:

Участникам совещания не придется нарушать обетов, данных при посвящении в Традицию. От них не требуется и не ожидается инициативы открытия тайны Дюн-Хор. Им предоставляется право высказываться только тогда, когда пригласившие их на совещание обнаружат перед ними знание Дюн-Хор, и высказываться лишь в границах обнаруженного. От них ожидается лишь правдивое

сообщение, владеет ли Восток в данную минуту полнотой Дюн-Хор, братский совет и указание, какие пути ведут к изучению Дюн-Хор для европейца, и есть ли пути примирения и отбора достижений европейской цивилизации с точки зрения Дюн-Хор.

С другой стороны внимание посвященных в Дюн-Хор должно быть в полной мере привлечено к следующему фактическому положению. За границей во Франции уже популяризуется теория проф. Туше, рисующая картину физических процессов космического пространства в такой форме (см. Вестник Знания № 1 за 1927 г.).

Для посвященного в тайну Дюн-Хор не может быть сомнений, что западно-европейская наука случайно натолкнулась в этой теории на механизм, составляющий главную тайну Дюн-Хор. Пока еще аналитический метод европейской науки мешает ей оценить всю важность этой теории. Но достаточно какому-нибудь вдумчивому исследователю сделать попытку перенести на бумагу, на плоскость картину, аналитически вычисленную проф. Тушэ, чтобы обнаружилась тайна Дюн-Хор и других механизмов.

А в руках современной техники, уже знакомой с применением ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, эти механизмы, открывая механизм действия «малых причин», механизм космического резонанса и интерференции, механизм стимуляции космических источников энергии грозит вооружить буржуазную Европу еще более кровавыми средствами истребления.

Резюмируя все вышеизложенное, я почтительно прошу Вас не отказать в возможно непродолжительном времени в личном Вашем конкретном ответе по моему адресу, указанному в заголовке письма, на следующие вопросы:

1. Можете ли вы, переведя на родной язык мое настоящее письмо, сообщить его вместе с помещенными в нём фотографиями, для обсуждения пользующемуся Вашим полным доверием ламаисту, в той или иной степени посвященному в Дюн-Хор.

2. Согласно ли это лицо участвовать в совещании в вышеописанной форме для вышеописанных целей при условии, что тотчас после его принципиального и анонимного пока согласия на Ваше имя для этого лица и для вас будут направлены формальные гарантии высшей государственной компетенции в обеспечении участникам совещания права полной аполитичности, консультативной свободы и личной неприкосновенности.

3. Согласны ли вы лично участвовать, на вышеуказанных условиях в совещании в качестве переводчика и эксперта-консультанта по чисто научной трактовке вопроса о бытовых формах ламаизма.

4. Не согласились ли Вы бы с ближайшей осени посвятить в Москве несколько месяцев на обучение тибетской письменности и языку определенной группы, подходящей к этому вопросу не с узко политической и не с узко партийной стороны, но со стороны углубленно-натурфилософской.

5. В случае согласия Вашего, какие политические гарантии и материальные обеспечения вам для этого необходимы.

Еще раз почтительно ходатайствуя о Вашем личном ответе на мое письмо, я позволю себе привлечь Ваше особенное внимание к исключительной исторической важности того вопроса, который в моем письме затронут, и к той ни с чем несравнимой исторической и моральной, как пред человечеством, так и пред родным народом, ответственности, которая сопряжена как с согласием, так и с уклонением от нашего братского предложения.

Прошу принять уверения в глубоком и искреннем моем почтении.

А. Барченко.

К письму приложены копии следующих документов:

1) Удостоверение Петроградского Института изучения мозга и психической деятельности о том, что в 1920 г. А. Барченко был приглашен к выступлению в конференции Института с учеными докладами и его оригинальное научное исследование «Духа древних учений в поле зрения современного естествознания» было признано достойным напечатания в Известиях Института. В заседании Ученой конференции Института 30/1 21 г. по представлению акад. Бехтерева был избран членом Ученой конференции на Мурмане и командирован на побережье Ледовитого океана и в Лапландию для обследования явления, известного под именем – мерячение. Результаты его представил в 1923 г. в специальном докладе, вызвавшем общий интерес.

После чего был приглашен к участию в работах одной из психических комиссий Института 4/У1-23 г. Подп<иси>: проф. В. Кашкадамов, управделами Раппопорт.

2) Удостоверение Мурманского исполкома о его работе в качестве проф. Морского Высшего типа Института Краеведения, его Заведующего и организатора просветительного дела на Мурмане.

Удостоверяется, что А. Б. «обнаружил выдающиеся качества, как специалист, знаток края, талантливый лектор-популяризатор, исключительный по знаниям и работоспособности организатор научно-просветительного дела, оказавший исключительные услуги просвещению в крае». 1/УП-21 г. п.п. Начальник Политотдела Морских сил Мурманского района, Начальник политпросвета Морских сил и завед. Мурманским Губоно.

3) Отношение Главнауки 15/У – 24 г. с рекомендацией зачислить Ученого консультанта Главнауки А. Барченко на должность научного сотрудника Ленинградского Института по изучению мозга и заверенное институтом мозга получение этого отношения вместе с мотивированным отказом А. Барченко от назначения от 10/У1-24 г.

4) Фотография и копия опубликованного в Красной газете в феврале 1923 г. письма в редакцию А. Барченко, как начальника Лапландской Экспедиции Мурманского Экоса, с опровержением помещенных в газете сведений о результатах экспедиции.

При материалах был приложен еще ряд других документов, нотариально заверенных, а также фотографии.

Письмо второе

Письмо начато 12 декабря 1927 года и закончено 24 марта 1928 года ввиду тяжелой болезни моей и моей семьи 12 декабря 1927 года.

Профессору Г. Ц. Цыбикову.

Многоуважаемый Гомбожап Цыбикович!

Письмо ваше от 23 ноября 1927 года мною получено. Позволяю себе снова привлечь ваше внимание и ваш бедный досуг к настоящему моему письму.

1. Я считал и считаю, что основной вопрос, который мною поднят, настолько реален, актуален и общечеловечески важен, что физиономия человека, вопрос этот поднявшего, должна расцениваться не на основании отзывов иных, хотя бы и совершенно уважаемых лиц, но исключительно под углом зрения лично вашего, к которому было направлено обращение. Основанием для оценки такой личности должна служить лишь личная ваша и ваших знакомых лам, посвященных в Дюн-Хор, оценка, насколько правильно и серьезно понимает ваш корреспондент сущность той научной ценности, которая лежит в основе Дюн-Хор. Оценка – насколько серьезен научный подход мой к разработке этой области в форму, доступную усвоению западной наукой.

Составить же себе на расстоянии правильное представление обо мне, как о человеке вообще, при коренном различии наших с вами бытовых условий и воспитания, вам затруднительно. Тем более, что я обращаюсь к вам не в личных интересах и не от своего личного имени, а в качестве представителя общественного течения, опирающегося на конкретные соотношения общественно-политического характера.

Аргументом серьезности и солидности направленного вам приглашения для вас, на мой взгляд, могли бы служить не отзывы лиц, знакомых лишь из вторых рук, с моей жизнью и деятельностью, а реализация в конкретной форме тех средств и политических гарантий, которые предложены участникам научного совещания, цель коего освещена мною в первом письме к вам.

Исходя из этого, я ограничился в своем письме лишь самым общим сухим и документальным перечнем моего общественно-научного стажа. Из тех же побуждений я и теперь прошу у вас для себя покамест, до личной нашей встречи, разрешения просто игнорировать отзывы о моей личности со стороны известного нам обоим «лица из высшего ламаистского духовенства».

Но, наряду с этим, я выражаю полную готовность во всякое время, если пожелаете и ранее, дать вам исчерпывающие и по вашему усмотрению аргументированные сведения о всех моих личных поступках, которые вас могут с какой бы то ни было точки зрения заинтересовать, как только вы заблагорассудите этого потребовать.

Что касается моего «помешательства», то если совершенно конкретная идея, которая лежит в корне моего к вам обращения (сообщение идейным представи-

телям правящей в России партии), может быть оценена как маниакальность и «невыполнимая фантастика», то я, по совести, должен признаться в полной «неизлечимости» моего помешательства.

Этой идее в течение долгого ряда лет, с момента моего понимания сущности Традиции, – в полном объеме посвящена моя жизнь. И «налечить» меня от попыток реализовать эту идею способна действительно лишь смерть, или действительное разочарование в идейной чистоте и серьезности той политической группы, которая поддерживает ныне мою научную работу. Показаний на это у меня пока, слава богу, нет.

«Высокое лицо из ламайского духовенства» глубоко заблуждается сам или вводит в заблуждение Вас, уверяя, будто бы я в своем стремлении установить идейно-научный контакт между крупнейшими руководителями правящей партии в России и восточными учеными, посвященными в традицию Дюн-Хор, маниакально стремлюсь к вещам неосуществимым, эфемерным.

В действительности дело обстоит совершенно иначе. Я отнюдь не настолько наивен, чтобы думать, что правящая партия в России, даже и полностью убедившись в реальности и ценности Дюн-Хор, сразу повернет идеологический и политический руль на 180 градусов, разорвет все отношения с Западом, займется тантрической и созерцательной тренировкой и все поиски коллективно приложимых источников энергии заменит путем индивидуального совершенствования до степени возбуждения в себе крестцового «Чакрам» (Чакра. – С. Н.).

Так же, как и Вы, я глубоко и аргументированно убежден в неизбежности великого столкновения культур – западной и глубокого Востока, возглавляемого Саджа <?> и Шамбала (*тут много при переписи пропущено*) (Примеч. переписчика).

Однако для меня весь вопрос в том, на чьей стороне в этом последнем столкновении культур выступит мой родной народ? Я не зарегистрированный коммунист. Но как коллективист по убеждениям, я вижу себя вправе гордиться тем, что из всех европейских народов, мой родной народ оказался впереди всех способным поднять знамя социальной революции.

Параллельно с вышеизложенным передо мной налицо неоспоримые объективные положения:

1. Главнейшие идеологи марксизма, Маркс, Энгельс и Ленин, не зная о великой 1000-летней исторической ошибке западной науки, гениальной интуицией очистив и переработав результаты западного научного опыта, осознали ближайшие к центральной теоретической тайне Дюн-хор основы универсальной синтетической истины, в свое время ставшей достоянием культуры, хранимой глубоким Востоком. Эта истина осознана ими вплоть до общей формулировки основного космического процесса, лежащего в основе центральной тайны.

Буквальная формулировка основ диалектики в изложении Н. Бухарина читается так (*выписка мною опущена*): (Примеч. переписчика).

2. Партия, осуществившая в России социальную революцию, конечным лозунгом задания своего выставила деклассирование общества в его европейской структуре и организацию его по принципу профессионального отбора.

3. Имеются реальные доказательства, что поддержка и контроль над моей научной работой по исследованию науки Дюн-хор и попытками установить идейно-научный контакт с Востоком, находится в руках группы старейших, испытаннейших и абсолютно неподкупных коммунистов – в полном смысле этого слова. Коммунистов, занимающих в партии и правительстве такие места, которые обеспечивают высшие по мощности политические гарантии для участников научного совещания. Та политическая группировка, к коей принадлежат эти коммунисты, по справедливости может быть названа наиболее серьезной в России, наиболее мощной и наиболее близкой к реализации мероприятий соввласти.

Восточным ученым могут быть предоставлены исчерпывающие доказательства того, что эта именно группировка подлинным и единственным заданием своим ставит скорейшее проведение в жизнь не только в государственном, но и в международном масштабе принципов коллективизма, что именно эта группировка стремится обеспечить воспитание подрастающих поколений всецело в духе этих столь близких древнейшему Востоку принципов.

<...> В руках у руководителей воспитания в России до сих пор только европейский аналитический и экспериментально-лабораторный научный метод. Самая сущность этого метода такова, что учащийся для полного овладения предметом должен, во-первых, всячески сузить свой кругозор, посвятив его в наибольшем объеме исследованию лишь той технической области, специалистом коей он готовится выступить на арену общественного служения.

Во-вторых, он вынужден в течение долгого ряда лет мыслить по логическим и вычислительным схемам исключительно аналитического характера. Такое воспитание мысли неминуемо уродует мышление и восприятие настолько, что величайшие деятели современной западной науки, в конце концов, совершенно перестают различать действительные величины от кажущихся и мнимых. Лучшая иллюстрация – современная научная борьба вокруг «теории относительности» Эйнштейна.

В-третьих, в зависимости от вышеизложенного, выработавшейся массы специальных терминов и аналитических формул научная литература Запада, в том числе и учебники по всем научным специальностям, превратились в книги, совершенно недоступные для понимания не только для широких слоев народа, но даже для научных же специалистов самой высокой квалификации, по специальности хотя бы даже самой близкой, но соседней.

Самая сущность аналитическо-экспериментального метода с его бесчисленными лабораториями, с его совершенно оторванными от действительности математическими вычислениями, с его бесконечной массой мельчайших аналитических приборов такова, что физически немыслимо идейному коллективисту-

общественнику, тем более в обстановке мировой блокады, совместить развитие свое как коллективиста с развитием как европейского ученого.

Единственный путь выхода – посвятить идейных руководителей России в подлинную сущность того научного богатства, коим скрыто владеет Восток.

Утверждение высшего представителя ламаистского духовенства <...> также ни в какой мере не отвечает действительности. Ни в Ленинграде, ни в Москве я никогда в жизни не участвовал в ученых диспутах по поводу тибетской традиции. Посему я и не мог быть «совершенно разбит» кем бы то ни было из ученых. И вообще не знаю, были ли когда-либо и где-либо в России подобные диспуты. Отношение же самых солидных ученых кругов (близких мне специальностей: биологов и физиологов) к моей самостоятельной научной работе в области, в частности, древнейшей науки, смею думать, достаточно иллюстрируется формальными, засвидетельствованными документами, в ваше распоряжение отправленными. Истинный характер отношения ленинградских и московских ученых, за исключением некоторых совершенно конкретных имен, совершенно определенных ориентаций и специальностей, естествознанию совершенно чуждых, к моей научной работе, не мог не быть известен «высшему представителю ламаистского духовенства».

Так как еще зимой 1923 г. <...> цаннид-лама (по его словам, 12 лет учившийся в Лхасе) участвовал в Ленинграде у меня на квартире в заседании группы ученых при участии покойного В. М. Бехтерева, ныне здравствующего известного гигиениста проф. В. П. Кашкадамова, лично долго жившего в Индии и др.

На этом заседании <...> названные ученые высказывались за всяческую желательность теснейшего научного контакта русских ученых с тибетскими. Цаннид-лама произнес речь, заверявшую наших ученых в полной готовности ученых Тибета к такому контакту и в своей готовности оказать всяческое свое содействие этому контакту.

Однако после того, как я спустя некоторое время обратился к также несомненно Вам известным академикам-ориенталистам за сведениями, где находится (насколько я знаю он и сейчас не появился в печати?), по моим сведениям, переданный им для редактирования труд о Тибете проф. Барадина (насколько я знаю, окончившего высшую школу в Гумбуме), ибо я считал, что для современной России этот труд имеет исключительное значение, Цаннид-лама, поддерживавший тесные отношения с этими ориенталистами, стал уклоняться от бесед со мной, а после приезда «высокого лица ламайского духовенства» в Ленинград, вовсе прекратил со мной отношения.

Личная встреча моя с одним из названных ориенталистов произошла у меня в закрытом заседании президиума Главнауки, где я служил ученым консультантом одной из комиссий (в Москве). В этом заседании я защищал свое ходатайство о научной командировке моей в Монголию и в Тибет для изучения языка. На этом заседании присутствовал и Хаян-Хираб, приглашенный по моему сове-

ту в качестве консультанта и поддерживающий мою точку зрения, и на этом заседании академик-ориенталист действительно обрушился на меня, утверждавшего (без детальной аргументации), что монгольские и тибетские ученые далеки от облика наивных дикарей, который им навязывают западные ученые. Академик-ориенталист защищал точку зрения Рокхилла, Уоделла даже Гренара о низком культурном уровне лам, подтверждая это положение ссылкой на авторитеты свой и своего коллеги, известного вам академика-ориенталиста, бывшего лично в Шигатзе.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».